

Февраль 1860

Отношения французской политики к делу итальянской независимости. — Французская программа о введении свободной торговли. — Неудача торг­рийской попытки низвергнуть министерство Пальмерстона.

Благоприятные для итальянского дела демонстрации, произведенные Францией в конце прошедшего года, так поразили большинство европейской публики, что оно не хотело обращать внимания на обстоятельства, которыми была вызвана эта видимая перемена, и приписывало ее личному желанию императора французов. Люди, более осмотрительные в своих заключениях, говорили, напротив, что дело зависело от надобности избежать некоторых преждевременных столкновений, и отношения Франции к Италии, оставаясь в сущности прежними, какими были со времени Виллафранкского мира, были только по наружности смягчены необходимостью показать уважение к Англии, сочувствовавшей итальянскому делу. Теперь это мнение подтвердилось столькими фактами, что мало найдется людей, которые захотели бы оспаривать его.

Важнейшим основанием надеяться на исход дела, сообразный с желаниями итальянцев, служило до сих пор то, что прежнее робкое и вялое министерство Ла-Мармори и Дабормиды заменилось министерством Кавура. В прошлый раз мы говорили, что он получил управление делами по настоянию Англии. Тогда мы высказали это просто как соображение, вытекавшее из отношений между прежним министерством, безусловно подчинившимся французской политике, и желаниями Англии, чтобы Сардиния действовала самостоятельнее. Теперь это положительно подтверждено полуофициальными объяснениями. Общественное мнение в Сардинии, Ломбардии, Центральной Италии давно требовало назначения Кавура министром; но Франция противилась этому, и без сильного покровительства Англии Кавуру сардинский король не решился бы удовлетворить общественному мнению. Когда же, повинувшись настоянию Англии, он отважился исполнить же-

лание патриотов, Франция, чтобы не раздражать Англию, не захотела противиться перемене кабинета. Но с первого же раза выказалось, что Франция дурно смотрит на Кавура. Неблагоприятное положение к нему обнаруживалось всеми мелочами, которыми характеризуется дипломатическая вражда; кому было угодно, тот мог не замечать этих признаков неприязни и оставаться при мысли об изменении французской политики относительно Сардинии; но такое заблуждение в самых непроницательных людях могло держаться лишь несколько дней: раздор за Савойю скоро открыл самым доверчивым истинные отношения Франции к министерству Кавура.

Еще до начала войны распространился слух, что помощь Наполеона III для изгнания австрийцев из Италии Кавур купил обещанием уступить Франции Савойю. Это опровергалось тогда, но никто не верил опровержениям. Теперь достоверно известно, что обещание было дано. По заключении мира, люди, которых все считали агентами французского правительства, стали хлопотать, чтобы возбудить в Савойе агитацию с целью присоединения к Франции. Попытки оставались совершенно неудачны, хотя тогдашнее сардинское министерство не осмеливалось мешать им. Полуофициальные французские газеты с восторгом рассказывали о каждом мелочном факте, который мог быть выставлен доказательством желания савойяров стать французами, и чрезвычайно преувеличивали важность этих манифестаций, совершенно ничтожных и устроенных искусственным образом. Но когда Англия и другие державы спрашивали Францию, имеет ли она виды на Савойю, французское правительство отвечало, что такое подозрение неосновательно. Несмотря на эти уверения, хлопоты французских агентов продолжались, и савойяры, встревоженные ими, увидели наконец надобность показать, что вовсе не имеют чувств, приписываемых им полуофициальными французскими газетами. В январе собрался большой митинг в Шамбери и единодушно выразил желание Савойи принадлежать по-прежнему к Сардинскому королевству. Это вызвало сильный гнев на савойяров со стороны французских полуофициальных газет, которые в это время уже открыто говорили, что Савойя будет неминуемо присоединена к Франции. Кавур отважился выразить одобрение савойярам, противоречащим уверению французских агентов; французское правительство стало его упрекать за это. Оно перестало скрывать свои намерения и от иностранных дипломатов. Английские министры в первых заседаниях парламента могли еще говорить, что не получали от Франции никаких официальных сообщений по этому делу, но при повторении запросов о нем в парламенте теперь они уже признаются, что Франция ведет переговоры об исполнении своего желания. На сильные возражения, сделанные Англиею, она отвечала только, что не приступит к присоединению Савойи, не спросив мнения великих

европейских держав об этом деле. Значение этой фразы было тотчас же объяснено полуофициальными французскими газетами: они объявляют, что спрашивать мнения вовсе еще не значит принимать на себя обязанность следовать ему; что если Франция будет советоваться с другими великими державами, это надобно считать просто формальностью. Само французское правительство говорит, что жертвы, принесенные Францией в итальянской войне, требуют вознаграждения и что, увеличив силы Пьемонта, Франция нуждается в новой, более крепкой границе против усиливающегося соседа. К этому прибавляется, что савойяры по своему языку французы, что они с конца прошлого века постоянно желали соединиться в одно государство с своими единоплеменниками и что во всяком случае присоединение будет произведено не иначе, как с их согласия.

Кавур, сколько может, противится такому исходу дела. Когда ему напоминают о данном перед войною обещании, он говорит, что не исполнено условие, с которым было связано обещание. В тайных договорах, заключенных им с Францией, Франция обязывалась совершенно изгнать австрийцев из Италии и сделать Виктора-Эммануэля королем не одной Ломбардии, но также и Венеции. Виллафранкский мир не доставил ему Венеции, потому и он не обязан уступать Савойю. Он говорит, что и договора об уступке Савойи не было; это фальшивая тонкость: может быть, не было акта, имеющего обыкновенную форму договоров; но было дано обещание, — на бумаге или на словах, этого мы не знаем, да это и все равно.

Если бы французские граждане пользовались ныне такими же правами, как сардинские, можно было бы сомневаться в том, действительно ли савойяры хотят остаться сардинцами. Они действительно французы по своей национальности, и при конституционном устройстве Франции было бы очень легко пробудить в них желание присоединиться к ней. Явиться ему было бы тем натуральнее теперь, что, приобретая Ломбардию, а может быть, и Центральную Италию, король сардинский становится владельцем чисто итальянского государства, в котором Савойя теряет всю важность, какую имела при прежнем небольшом объеме королевства, имевшего характер наполовину французский. Но разница правительственных форм между Францией и Сардинией решительно снимает всякую охоту присоединиться к Франции у савойяров, дорожащих нынешними своими правами, которые утратились бы при переходе под власть императора¹. Эта сторона дела очень ясно изложена в письме, которое помещено в «Times'e» 8 февраля. Приводим извлечение из него:

«Независимо от важного вопроса о великих общеевропейских интересах, замешанных в деле присоединения Савойи к Франции, я не могу (говорит англичанин) равнодушно смотреть на то, что свободный и довольный народ передается против воли под власть нынешнего французского правительства.

Наши предки жертвовали за свободу жизнью. Мы говорим, что ценим парламентское правление, наследованное нами от них. Мы ценим нашу свободу печатного слова, наш суд, стоящий выше всякого подозрения или упрёка, нашу безопасность от полицейского произвола, наше право думать и говорить как нам угодно о наших государственных людях и о делах, касающихся общества. Может ли человек, дорожающий этими учреждениями и правами, — а я надеюсь, что в Англии мало людей, не дорожащих ими, — равнодушно смотреть на опасность потерять их, грозящую Савойей? Нет в Европе народа лучше савойяров. Это народ храбрый, благородный, честный, любящий порядок, имеющий мягкие нравы и замечательную способность пользоваться свободными учреждениями. Одиннадцать лет пользуясь ими, савойяры никогда не употребили их во зло. В истории нашего столетия один из замечательнейших фактов тот непрерывный, спокойный прогресс просвещения и материального благосостояния, какой совершается в Савоие с тех пор, как она стала частью свободного государства. Этот прогресс заметен самому поверхностному наблюдателю; а человек, близко узнавший савойяров, видит, что благотворные последствия нынешнего их положения имеют характер прочный. Печатное слово в Сардинии до сих пор еще не было совершенно свободно. Граф Кавур всегда смотрел на газеты с некоторой подозрительностью и нелюбовью. Но, хорошо зная Савойю, я все-таки скажу, что народ в ней фактически так же свободен, как в Англии. Он постепенно, но прочно освобождается от ига фанатизма. Если Сардиния была светлой страной в мрачной Южной Европе, то самую светлую частью Сардинии была Савойя. Не нужно изображать другую сторону картины. Довольно будет сказать, что, когда Савойя будет частью нынешней Франции, она потеряет все свои свободные учреждения. Если английская нация, гордая своим могуществом и своею свободой, будет равнодушно смотреть на такую опасность для Савойи и не сделает усилий для ее спасения, в Англии будет слишком много эгоизма, слишком мало благородства. Французские газеты заботливо распространяют слух, будто бы Савойя желает присоединиться к Франции. Это слух совершенно неосновательный. Бывали иногда мелкие случаи соперничества между Савойею и Пьемонтом, но чтобы в Савоие было недовольство пьемонтским правительством, чтобы существовало в ней хотя малейшее желание присоединиться к Франции, — это совершенная выдумка. Из 50 человек вы не найдете одного, который имел бы хотя самую слабую охоту обратить свою страну во французскую провинцию».

Говорят, что Савойя не будет присоединена к Франции без собственного согласия. Но в истории слишком много примеров того, как удобно сильный может производить факты, которые выставляет потом как доказательство тому, что слабый был согласен с его требованиями. Полуофициальные французские газеты и теперь уже говорят о желании савойяров присоединиться к Франции как о факте бесспорном, хотя каждому известно, что савойяры думают совершенно иначе.

Мы считаем большим выигрышем для Италии то, что управление сардинскими делами перешло от прежних робких министров к Кавуру, человеку твердому и смелому; но это вовсе не значит, чтобы мы изменили то понятие о его политических принципах, которое часто высказывали. Будучи министром маленького государства, он понимал, что единственным средством доставить этому государству важное место в ряду европейских держав должно служить покровительство национальным итальянским стремлениям и борьба против Австрии. Он понимал

также, что только сохранением свободных учреждений в Пьемонте можно привлечь симпатию других итальянцев к этому государству, которое прежде почти не считалось итальянским. Надобно отдать справедливость уму, способному понять такой расчет, и характеру, неуклонно державшемуся основанной на нем системы. Он даровитый министр, это не подлежит спору; но совершенно ошибаются те, которые видят в нем человека, дорожащего народными правами. Он просто дипломат, которому хо-роши все средства, ведущие к обыкновенной цели дипломатов, к увеличению силы того государства, которым он управляет. Ему случилось быть сардинским министром, потому он говорит за Италию; а если бы случилось быть австрийским министром, он действовал бы против нее. Нет в истории нашего века факта, в котором министр, управляющий известною страной, выказал бы столько пренебрежения к правам ее народа, сколько выказал Кавур в договоре, по которому отдавал Франции Савойю². Говорят о непопулярных постановлениях венского конгресса. Но Меттерних и его товарищи, самоуправно распоряжаясь странами без согласия их жителей, распоряжались по крайней мере только странами завоеванными, отнятыми у противников³, а не коренными землями собственных государств, не населением, которое считало их своими министрами.

Европейские дипломаты нисколько не затруднились бы таким характером сделки; но уступка Савойи неприятна им по соображениям, которые для них гораздо выше народных прав. Савойя дает стратегическое владычество над Северной Италией. Владая Альпийскими проходами, лежащими в ней, император французов может повелевать с этих гор Пьемонтом, как начальник цитадели командует лежащим у ее подножия городом. По уступке Савойи, королевство Северной Италии окончательно станет вассальным владением Наполеона III. Так думают дипломаты, для которых стратегическая граница гораздо важнее племенной границы. Надобно признаться, что на этот раз в их соображениях есть много справедливости. Опасение слишком сильного перевеса Франции в Юго-Западной Европе сходится тут с мыслями, внушаемыми желанием итальянской независимости.

Конечно, одна только Англия имела бы теперь силу остановить французские притязания на Савойю вооруженною рукою. Но английские министры положительно объявили, что не намерены жертвовать деньгами и кровью англичан по этому делу, которое не касается прямо интересов Англии. Они будут протестовать, выразят свое неудовольствие, но больше этого не хотят ничего сделать, если сам Пьемонт не имеет решимости мешать насильственному присоединению Савойи к Франции. Английские министры правы, когда благосостояние собственной нации не хотят приносить в жертву исправлению ошибки, до нее не

относящейся. Итак, спор собственно идет только между Сардинией и Францией.

Судя по всему, что мы читаем, трудно полагать, чтобы Кавур отважился защищать Савойю оружием от французских притязаний. Поэтому английские государственные люди полагают, что присоединение Савойи к Франции неизбежно. Газетными слухами назначен уже и срок завладению: в начале февраля говорили, что оно должно произойти 1 марта. Разумеется, дело не кончится так скоро и круто; надобно полагать, что будут предварительно устроены какие-нибудь формальности, которые придадут завладению благовидную наружность и займут собою довольно много времени. Но если не произойдет чего-нибудь чрезвычайного и неожиданного, Савойя нынешнею весною обратится в провинцию Французской империи.

Теперь, как мы уже говорили, переговоры между Сардинией и Францией состоят собственно в споре о том, обязан ли Кавур исполнить обязательство об уступке Савойи, несмотря на то, что Венеция не приобретена для Виктора-Эммануэля, как предполагалось при составлении этого обязательства. Французское правительство говорит, что неисполнение договора об отнятии Венеции у австрийцев произошло по обстоятельствам, не зависевшим от императора французов: он сделал все, что мог, потому имеет право получить обещанное вознаграждение. Но это служит только дипломатическою тонкостью, придуманною для того, чтобы дать более цены переходу к другому средству доказывать основательность французских притязаний. Положим, говорят французы, что Виктор-Эммануэль получил вдвое меньше новых земель и подданных, нежели предполагалось дать ему; он и в этом случае обязан уступить Савойю. Тем меньше имеет он права сопротивляться обещанному расширению французских границ, если Франция даст ему на юге то увеличение владений, какого не могла доставить на востоке: Центральная Италия должна считаться достаточным вознаграждением за Венецию. Таким образом, по нынешнему положению переговоров, Франция заставляет Сардинию покупать ее согласие на присоединение Центральной Италии уступкою Савойи. Вероятно для того, чтобы сильнее внушить Кавуру необходимость согласиться на все, во второй половине февраля возобновлены были слухи, что дело герцога тосканского не совсем еще потеряно: говорят, будто Франция выражала герцогу готовность возвратить ему прежние владения с прибавлением Романьи, если он совершенно откажется от связей с Австрией и даст императору французскому достаточные обеспечения в своей искренней готовности опираться исключительно на помощь Франции. Надобно полагать, что эти слухи распушены только с намерением скорее победить упрямство Кавура или с мыслью перейти к прежнему намерению сделать из Центральной Италии королевство для принца Наполеона.

Итак, мы видим пока, что Кавур, введенный в кабинет Англиею и поддерживаемый ею, находится в неприятных отношениях к Франции. Такое положение дел не будет продолжительно. Если не произойдет ничего чрезвычайного, Франция скоро овладеет Савойею, и тогда исчезнет одна из главных причин нынешних неприятностей. Какими же новыми отношениями сменится к весне нынешний раздор, прикрываемый уверениями в расположении Франции к делу итальянской независимости? Кавур, как хороший дипломат, может снова явиться полезным помощником императору французов при каких-нибудь дальнейших замыслах. Но при переменчивости обстоятельств бесполезно рассуждать о том, действительно ли вспыхнет весною, как многие уверяют, новая война для изгнания австрийцев из Венеции и будут ли французы снова помогать в ней итальянцам. Мы видим, что австрийцы опасаются нападения со стороны Сардинии; мысль о нем наверное есть у Кавура и открыто господствует над умами итальянских патриотов. Но осуществится ли она, или вопрос об итальянской независимости получит какой-нибудь иной оборот, это обуславливается данными, рассчитать действие которых трудно.

Мы видим, например, что со дня на день ждут восстания в Сицилии и потом в Неаполе; того же ждут и в частях Папской области, которые еще не успели отложиться от папы. Невозможно предугадать, скоро ли произойдут эти события, но, конечно, ими совершенно изменился бы ход дела в Северной Италии. Кроме того, положение самой Австрии так незавидно, что по всем расчетам следовало бы ей скорее согласиться на добровольную уступку Венеции с получением денежного вознаграждения, нежели доводить своим упорством дело до борьбы; но теперь пока она говорит, что не уступит Венецию, и полагает, что будет в силах отразить нападение. Австрия, вероятно, останется при своем упрямстве, но будут ли итальянцы к следующей весне иметь средства начать наступательные действия? Мы пересмотрим нынешнее положение разных частей Италии, соединение которых было бы нужно для борьбы с Австриею, если Кавур не сойдется опять с императором французов.

Прежнее сардинское министерство боялось сзывать парламент, потому что не нашло бы в нем одобрения своей робкой политике. Кавур, напротив, первым условием своего вступления в кабинет определил, чтобы парламент был созван как можно скорее. Надеялись, что заседания могут начаться с первых чисел марта; но теперь полагают, что туринские палаты⁴ не успеют собраться раньше 1 апреля. Причиною отсрочки выставляется то, что надобно было переделывать списки избирателей в Сардинии по изменениям, сделанным в избирательном законе после присоединения Ломбардии к Сардинии. Но существенною причиною замедления надобно считать усилия Франции, желаю-

щей, чтобы палаты не собирались как можно долее: тюрингский кабинет⁵ знает, что парламент будет давать туринскому правительству сильную поддержку, и потому хотел бы покончить дело об уступке Савойи до собрания палат. Притом надобно ожидать, что национальные собрания Тосканы и Романьи, депутаты которых будут выбраны по сардинским правилам, повторив решение прежних собраний о присоединении к Пьемонту, сами соединятся в одно собрание с туринским парламентом, и тем фактически исполнится расширение королевства Ломбардо-Сардинского на Центральную Италию. Из этих фактов мы видим, что если Франция и перестала с конца прошлого года прямо поддерживать Австрию против свободной половины Италии⁶, как поддерживала последним летом и осенью, то вовсе не сделалась покровительницею Сардинии, Тосканы и герцогств, а, напротив, продолжает мешать их соединению.

Еще яснее французская политика в Риме. Никто никогда не сомневался в том, что лишь французские войска в Риме удерживают население остальных папских владений последовать примеру Романьи и присоединиться к возникающей теперь сильной державе. В последнее время генерал Гойон желал даже вызвать столкновение между жителями Рима и своими войсками: ему справедливо казалось, что строгое наказание надолго заставило бы римлян быть совершенно смиренными, что оно было бы полезно для подавления в них мятежных мыслей. Правда, римляне и теперь смиренны; но все же лучше для папы было бы, если бы французам удалось найти случай перебить и арестовать тех, которые могут когда-нибудь оказаться не смиренными и питают в глубине души своевольные мысли об итальянской национальности. Мы приведем рассказ римского корреспондента газеты «Times». Но прежде заметим, что музыканты французского гарнизона в Риме выходят по четвергам и воскресеньям на Piazza Colonna* развлекать гуляющих римлян военной музыкой. В один из таких вечеров, именно в воскресенье 22 января, публика сделала небольшую манифестацию, самого скромного и лестного для французов характера: римляне, окружившие музыкантов, прокричали несколько раз *evviva!*** в честь императору, французской армии, Франции и Италии. Порядок ни на одну минуту не был нарушен; однако же французское начальство почло нужным произвести множество арестов. Но этим дело не ограничилось, и мы сообщим его продолжение словами римского корреспондента.

Генерал Гойон в своей чрезмерной ревности к папскому делу согласился с папским министром полиции, монсиньором Маттеуччи, завлечь народ к возобновлению манифестации. Против

* Площадь Колонна. (Прим. ред.)

** Да здравствует! (Прим. ред.)

обыкновения, по которому музыка играла только по четвергам и воскресеньям, музыканты были высланы на площадь в понедельник 23 января. Дурная погода много помешала успеху хитрости; однакоже, несмотря на дождь, собралось довольно много народа. Он держал себя самым благоразумным образом и слушал музыку молча. Когда музыканты пошли назад в казармы, народ по обыкновению провожал их до Monte Brionzo. Тут несколько человек закричали vive Napoléon! *, и папские жандармы бросились на толпу, стали давить ее лошадьми. Народ и тут не потерял рассудительности. Он молча разошелся.

«Из этих фактов (говорит корреспондент) вы можете видеть, что римскую публику стараются вовлечь в манифестации совершенно против ее воли. Люди, пользующиеся влиянием на народ, употребляют все свои усилия, чтобы удержать его от обмана. Посылка музыкантов на площадь в понедельник имела все признаки вызова народа на столкновение».

Это мнение господствует в целой Италии. Вот, например, отрывок из письма флорентинского корреспондента «Times'a»:

«Генерал Гойон в своей ревности, которую некоторые римляне приписывают его желанию получить маршальский жезл, но которая скорее происходит от его приверженности к папе, всеми силами хотел произвести столкновение, в котором французские солдаты перебили бы людей, совершающих преступление своими криками vive la France! ** Но римляне были так умны, что не захотели исполнить его желание».

Важно теперь то, успеют ли итальянцы совершенно устроить свои дела в тот промежуток времени, пока Франция вынуждена надобностью в английской дружбе выказывать некоторую снисходительность к национальным желаниям итальянцев, покровительствуемых Англиею. Последние достоверные известия о дипломатическом положении дела состоят в том, что Англия получила от Франции уклончивый ответ на свои предложения, составленные с целью обеспечить независимость земель, принадлежащих к королевству Виктора-Эммануэля или готовящихся присоединиться к нему. Читателю известно, что этих предложений четыре: во-первых, Франция и Австрия должны отказаться от всякого вмешательства в итальянские дела и могут заниматься ими не иначе, как по единодушному согласию трех других великих держав и Сардинии; во-вторых, Франция должна как можно скорее вывезти свои войска из Рима; в-третьих, австрийцы не должны быть тревожимы в Венеции; в-четвертых, король сардинский может послать свои войска в Центральную Италию только тогда, когда народ этих областей новым решением подтвердит избрание его в короли. Должно сознаться, что эти предложения составлены с большим дипломатическим мастерством, так что имеют вид одинаковой благоприятности к правам Ав-

* Да здравствует Наполеон! (Прим. ред.)

** Да здравствует Франция! (Прим. ред.)

стрии и Сардинии, между тем как в сущности все клонятся исключительно в пользу Сардинии и одинаково направлены против Франции. В особенности надобно сказать это о третьем предложении. Оно имеет вид ограждения власти австрийцев над Венециею, но при нынешних обстоятельствах действительный смысл его не таков: несмотря на полугодичный срок, итальянцы еще так мало устроили свои дела, что не рассчитывают без французской помощи начать войну с Австриею за Венецию; таким образом, возбуждать теперь ломбардцев и сардинцев к наступательной войне значило бы только вовлекать их в новую, еще сильнейшую зависимость от Франции. Дело иное, когда они сами достаточно организуются, — тогда помощь Франции для освобождения Венеции снова не будет им нужна, как не была нужна в эпоху заключения виллафранкских условий. Франция не приняла ни одного из этих четырех предложений, кроме первого. Принять это первое условие на словах она может без опасности для своих целей, потому что держит сильную армию в Ломбардии. Кто занимает страну своим войском, тот может говорить, что не хочет вынуждать ее к исполнению своих требований: страна все-таки в зависимости от него. Отказ на остальные три требования, конечно, дан Франциею не в прямых выражениях, а под оболочкою дипломатических фраз, которые неопытному в их чтении человеку могли бы казаться почти равносильными согласию; но разъяснения, сделанные английскими государственными людьми в парламентских прениях, не оставляют никому возможности сомневаться в смысле ответа, данного Франциею.

В самой Франции очень важное значение имеет новая промышленная политика, провозглашенная письмом императора французов к государственному министру Фульду, явившимся в газетах в половине января. При Луи-Филиппе⁷ в палате депутатов постоянно имели перевес протекционисты, потому что правительством с удовольствием покупало поддержку мануфактуристов ревностною защитою выгодной для них покровительственной системы тарифа. Пользуясь этим долгим временем господства, протекционисты успели чрезвычайно сильно распространить во французском обществе вражду против свободной торговли. Только те французы, которые довольно хорошо узнали политическую экономию, понимают вред протекционизма; огромное большинство, следующее привычным мнениям, воображает, что для Франции очень полезна дороговизна железа, каменного угля и других важнейших материалов промышленной деятельности.

Луи-Наполеон всегда был приверженцем свободной торговли; но оппозиция, которую представляли протекционисты прежним его попыткам в этом духе, была так упорна, что перед нею отступала даже его абсолютная власть, сокрушавшая всякое другое сопротивление. Протекционисты были до того уверены в своем могуществе, что несколько раз открыто грозили ему произведе-

нием восстания, если он не оставит их в покое. Теперь он почел свой престол настолько упроченным недавними победами, что отважился действовать решительнее прежнего. Открытому провозглашению принципов свободной торговли именно теперь, а не раньше и не позже, содействовало совпадение разных обстоятельств, возникавших из политического положения дел. Мы видели, что Наполеону III надобно было обезоружить подозрительность Англии великими доказательствами дружбы к ней. Перемена тона по итальянскому вопросу действовала на людей, занятых политическими соображениями, но не могла сильно действовать на массу английской публики, у которой есть интересы более близкие, чем независимость итальянцев; а на государственных людей Англии эта перемена не производила никакого впечатления: они знали, что под изменившимися словами сохраняются прежние намерения. Но и английские министры и публика не могли остаться нечувствительны к принятию системы, выгодной для Англии столько же, сколько и для Франции: коммерческий трактат, по которому Франция обязывалась отказаться от протекционизма, служил сильным и бесспорным доказательством желанию Наполеона III жить в дружбе с Англией. Была в письме к Фульду и другая цель, столь же важная: император говорил, что отныне развитие промышленности будет главной его заботой; этим самым он показывал, что Франция не должна опасаться возобновления войн, что для него становится серьезным делом исполнение знаменитой бордосской программы миролюбия; он успокаивал Францию, привлекал к себе запуганных итальянскую войною приверженцев мира, которые составляют большинство французского общества. Письмо и началось этими уверениями:

«Несмотря на неизвестность, еще царствующую в некоторых подробностях внешней политики (говорит император французов), можно с уверенностью предвидеть мирное решение. Итак, пришло время нам заняться средствами к поиданию сильного развития различным отраслям национального богатства. С этою мыслью я посылаю вам основания программы; некоторые части ее должны быть представлены на одобрение палат; вы посоветуетесь о ней с вашими товарищами, чтобы приготовить меры, могущие дать живое движение земледелию, промышленности и торговле».

Первою заботою правительства должно стать, по программе императора, улучшение французского земледелия и уничтожение стеснений, мешающих ему. Письмо перечисляет меры, нужные для того, и переходит к промышленности.

«Для ободрения промышленного производства, — говорит оно, — надобно освободить от всяких пошлин материалы, обрабатываемые промышленностью».

Эти слова заключают в себе смертельный удар важнейшим статьям нынешнего протекционистского тарифа. Кроме того, надобно

усовершенствовать кредитные учреждения и пути сообщения. Затем следует фраза, наносящая второй удар протекционизму: «необходимо будет постепенное понижение пошлин на товары первой необходимости». Вместо запрещений должны явиться покровительственные пошлины, как вместо покровительственных пошлин предписывается, приведенными у нас выражениями, учреждение легких пошлин не для покровительства домашним фабрикам, а просто для доставления доходов казне, по примеру английской таможенной системы. После этого письмо указывает финансовые средства, которые можно употребить на осуществление предлагаемой императором программы, и в заключение перечисляются главные черты этой программы:

«Уничтожение пошлин на шерсть и хлопчатую бумагу; постепенное уменьшение пошлин на сахар и кофе; деятельное улучшение путей сообщения; уменьшение пошлин за плавание по каналам, для общего понижения издержек перевозки; выдача ссуд земледелию и промышленности; общепользные работы в обширном размере; коммерческие трактаты с иностранными державами.

Таковы общие основания программы, на которую прошу вас обратить внимание ваших товарищей для безотлагательного приготовления проектов законов к ее осуществлению. Я твердо убежден, что она встретит патристическую поддержку в сенате и законодательном корпусе, готовых вместе со мною водворить новую эпоху мира и упрочить пользование благами его для Франции».

В самом совете министров находится много протекционистов; к ним принадлежит и Фульд, которому император поручал заботу об исполнении своей программы. Но министры при нынешней системе должны служить простыми исполнителями даваемых им инструкций, и немногие из них расположены отказываться от своих должностей для сохранения своих мнений. Фульд также не имеет этой наклонности, которая найдена во Франции несогласною с общественным порядком. Он и другие министры деятельно занялись исполнением программы, и через месяц по обнародовании письма был уже напечатан в «Монитёре»⁸ доклад министра земледелия, промышленности и торговли, содержащий в себе проект закона о понижении пошлин на главные привозные товары. Этим докладом предлагается установить беспошлинный ввоз шерсти, бумажного хлопка, поташа и разных других фабричных материалов; конечно, скоро явятся проекты законов об изменении тарифа по другим статьям, особенно по каменному углю, сахару и железу.

Мы обратили особенное внимание на ту часть программы, которая относится к таможенным преобразованиям, потому что она и придает главнейшее значение письму императора. Эта программа и торговый договор с Англиею, служащий ее осуществлением, конечно, произвели сильнейшее негодование между железнозаводчиками и владельцами каменноугольных копей,

людьми очень сильными во Франции; также между мануфактуристами по тем отраслям фабричной промышленности, которые пользовались протекционной системой, а к этому разряду относится большинство французских мануфактуристов. Раздражение их так сильно, что они грозят манифестациями, похожими на бунт, хотя императорское правительство не любит пропускать безнаказанными подобных фраз. Из департаментов стали являться в Париж многочисленные делегации этих мануфактуристов и заводчиков. Однажды набралось в Париже таких уполномоченных до 400 человек; торговые палаты, существующие во всех департаментах, почти все прислали протесты, написанные очень резким языком. В частных разговорах с правительственными лицами недовольные грозят, что закроют свои фабрики и заводы, объявив работникам, что правительство виновато в нищете, ожидающей десятки тысяч смелых людей. Было бы утомительно перечислять все эти демонстрации; довольно будет привести в пример их адрес, напечатанный в органе протекционистов, «*Moniteur Industriel*», с подписями 176 заводчиков и фабрикантов. Напомнив обещания, данные им императорским правительством в прежние времена, адрес продолжает:

«Таким образом, даны были обещания не решать вопроса без предварительного исследования, в котором были бы выслушаны голоса представителей отечественной промышленности; эти обещания были возобновлены всего несколько месяцев тому назад. Что же мы видим теперь? Ваше величество готовитесь произвести коренные перемены в важнейших статьях нашего таможенного законодательства, так что все наши фабрики подвергаются одновременному удару. Вы хотите совершить эти громадные перемены без всякого исследования, не выслушав нас, не дав нам возможности быть выслушанными. Узнав, что император благоволил принять нескольких выбранных министром торговли мануфактуристов для принесения ему замечаний, мы обратились к министру с требованием, чтобы и нам оказана была та же милость. (Адрес говорит об аудиенции, данной тем немногим мануфактуристам, которые одобряют принципы свободной торговли.) Мы были многочисленны, — более 400 депутатов промышленности находилось в Париже, — потому что мы должны защищать великие интересы. Нам отвечали, что занятия вашего величества не дозволяют вам принять нас, и мы подверглись тяжелому огорчению остаться не получившими возможности объяснить императору истинное положение национальной промышленности. Итак, мы спрашиваем, государь, что же будет с полученным нами обещанием исследовать дело? Нам не позволили изложить наших интересов, нас осудили остаться невыслушанными. И при каких обстоятельствах не допускаете вы, государь, этого исследования, обещанного столь торжественно? В такое время, когда необходимее всего было бы воспользоваться знанием и опытностью всех специальных корпораций (то есть торговых палат, которые почти все защищают протекционизм) и всех знающих людей. Предполагают оковать нас договором с Англией. Мы далеки от мысли оспаривать власть, даваемую вашему величеству конституцией. Император имеет право заключать торговые трактаты, не подвергая утверждению законодательного корпуса производимые через эти трактаты изменения в тарифе. Но мы не думаем нарушать границ почтительного повиновения, напомним слова, сказанные президентом сената при защите сенатусконсульта 23 декабря 1852 года, объяснявшего и изменявшего конституцию».

Из этих слов, определяющих границу власти императора, адрес выводит очень ясный намек, что император в настоящем случае превышает свою законную власть. Адрес заключается словами:

«Мера, принимаемая вашим величеством, должна назваться экономической и общественной революцией. По нашему мнению, невозможно, чтобы правительство избежало многочисленных и важных ошибок, производя такие перемены без совещания с представителями наших мануфактурных городов».

Нет никакого сомнения, что эти угрозы останутся бессильными, и надобно сказать, что в деле введения свободной торговли успех императора основывается не на одном военном могуществе, а также и на сообразности его целей, в этом случае, с понятиями просвещенных людей во Франции.

Кроме борьбы с протекционистами, шумной, но безопасной, французское правительство занято продолжением борьбы с ультрамонтанской партией, раздражение которой все возрастает с той поры, как брошюрою «Конгресс и папа» император обнаружил намерение принять в случае надобности политику, противную притязаниям папы на Романью. Мы уже упоминали в прошедшем обозрении о запрещении главного органа ультрамонтанцев, «L'Univers'a». Скоро после того была запрещена сильнейшая из провинциальных газет, поддерживавших систему «L'Univers'a», «la Bretagne», опасная тем, что издавалась для Вандеи, где фанатизм силен⁹. Но мы до сих пор продолжаем думать, что Наполеон III не в такой степени враждебен католической партии, как провозглашает она сама в гневе на него и в сознании своей силы. В последние дни стали носиться слухи о новых предложениях, сделанных папе французским правительством с обещанием сохранить в той или другой форме верховную власть папы над Романью, если он согласится на условия, кажущиеся необходимыми императору. Говорят, будто сущность предложений состоит в том, чтобы сделать из Романьи нечто вроде вице-королевства, правитель которого пользовался бы значительною долею самостоятельности во внутренних делах провинции. Очень может быть, что слух неверен; а исполнение предположений, о которых он говорит, во всяком случае зависит от оборота, какой будет принят общим вопросом о присоединении Центральной Италии к Ломбардо-Сардинскому королевству. Очень может быть также, что предложения об условиях, на которых Романья будет возвращена под власть папы, сделаны императором французам только в той уверенности, что папа упрямо отвергнет их и через это даст Наполеону III новое основание говорить, что он сделал все зависевшее от него для пользы папской власти и сам папа, своим упрямством, лишил его возможности поправить дело. Но с какою бы целью ни были сделаны предложения, если они действительно были сделаны, или какие бы поводы ни произвели ошибку, если

слух о предложениях ошибочен, во всяком случае самая возможность возникновения молвы об этих предложениях уже свидетельствует, что император кажется готовым сделать многое, лишь бы только примириться с ультрамонтанскою партией. Все действия Гойона в Риме указывают, что, несмотря на нынешнюю ссору, император продолжает питать ту нежную заботливость об интересах ультрамонтанства, в которой уверяет даже брошюра, возбудившая негодование Ватиканского двора и французских епископов. В этом уверении императора надобно признавать самую похвальную искренность.

Торговый трактат, заключенный Наполеоном III с Англией, послужил первым предметом для попыток торийской партии нанести поражение нынешнему министерству¹⁰. Перед началом парламентских заседаний, открывшихся, как мы говорили, 24 января, тори, повидимому, не хотели домогаться власти. Эта система предписывалась им двумя важными соображениями. Во-первых, главным делом нынешней сессии должна быть парламентская реформа. Вступить в кабинет, с обязанностью вести это неприятное для них дело, значило бы подвергать себя и огорчению и нравственному унижению; а отлагать реформу значило бы возбуждать в массе агитацию, которая вынуждала бы более радикальную реформу. Вторым неудобством была необходимость увеличивать налоги на покрытие громадных расходов по сухопутным и морским вооружениям, вызванным недоверчивостью английского общества к намерениям Франции. Характер бюджета имеет очень большое влияние на тактику парламентских партий в Англии. Когда расходы не превышают обыкновенной нормы и нет надобности увеличивать налоги, оппозиция бывает очень рада войти в кабинет; в противном случае она с удовольствием оставляет своим противникам неприятную заботу налагать новое обременение на нацию. Надобно думать, что тори увлеклись честолюбием или мстительностью д'Израэли¹¹, решившись пренебречь этими расчетами и стараться о низвержении вигов до проведения через парламент бюджета и реформы. По обыкновенному порядку, первым из важнейших занятий парламента министры поставили бюджет. Билль о реформе отнесен ими на вторую очередь. Чтобы понять дальнейший ход дела, надобно прежде всего обратить внимание на характер бюджета, составленного Глэдстоном¹². Налог на доходы, хотя уже существует непрерывно много лет, все еще продолжает считаться экстренною мерою, не входящею в состав обыкновенных податей и налогов¹³. Кроме того, со времени войны остаются повышенные, так называемые военные, пошлины с чая и сахара. Та сумма, на какую повышены они против прежних пошлин, существовавших до Восточной войны*, также считается чрезвычайным налогом. Если исключить эти две статьи дохода, то сумма

* «Восточная война» — Крымская война 1853—1856 гг. (Прим. ред.)

обыкновенных налогов, о сохранении которых нет никакого спора, простиралась бы на следующий финансовый 1860—1861 год до 60 700 000 фунтов; а между тем расходы, требуемые на этот год, простираются до 70 100 000 фунт., так что оказывается недостаток обыкновенных доходов на 9 400 000 фунтов, которые надобно получить из чрезвычайных средств. Вот именно такой недочет и составляет обыкновенно главный предмет разницы между разными системами, между которыми должен выбирать канцлер казначейства (министр финансов); собственно те средства, какие он предлагает для покрытия этого излишка расходов над обыкновенными доходами, служат вообще предметом прений о бюджете. В следующем финансовом году сумма эта громадна, и потому составлять бюджет — вещь неприятная. Но недостаток обыкновенных доходов еще возрастал вследствие торгового трактата, заключенного с Францией и понижающего пошлины на разные французские товары. Важнейший убыток производится понижением пошлин на французские вина. Без всякого сомнения, потребление их в Англии довольно быстро увеличится, благодаря дешевизне, производимой уменьшением пошлин, и скоро казна будет получать с привозных виноградных вин больше дохода при низких пошлинах, чем сколько получала до сих пор при высоких. Но в нынешнем году уменьшение дохода от этой перемены предполагается в 1 000 000 фунтов. Для покрытия излишка расходов над обыкновенными доходами Глэдстон предлагает не отменять на будущий год нынешних повышенных пошлин с чая и сахара и кроме того не только сохранить, но и возвысить налог на доходы, так чтобы в год платилось по 10 пенсов с фунта, то есть несколько более четырех процентов. Эти предложения составляют существеннейшую часть бюджета, требуемого Глэдстоном. Расчет его требований основан, как мы видим, на предположении, что торговый трактат будет принят. Но министерство предлагало начать прения прямо с бюджета и потом уже перейти к трактату, так что прения о самом трактате становились бы тогда уже чистою формальностью по принятии существенных его оснований, введенных в бюджет. Между тем трактат, первая весть о котором была принята в Англии с восторгом, стал предметом не совсем благоприятных отзывов в значительной части английской публики. Сообразив величину расходов на предстоящий год, англичане давно уже стали замечать, что понижение пошлин должно быть покрыто сохранением чрезвычайных налогов в норме более высокой, чем какую бы они имели без убытка на 1 000 000 фунтов, производимого трактатом. Этот недочет производился в пользу виноградных вин, которые составляют в Англии предмет роскоши. Многие стали говорить, что несправедливо держать в дорогой цене чай и сахар, предметы первой необходимости, для доставления дешевизны предмету роскоши. Кроме того, находили подозрительным выбор предметов, на которые

понижала или отменяла пошлины Франция. В числе этих предметов находятся каменный уголь и железо. «Мы рады принятию принципа свободной торговли нашими соседями — говорили многие англичане, — но должно признаться, что они могут не для промышленности закупать у нас каменный уголь и железо при нынешних обстоятельствах. Английским каменным углем продовольствуется их военный флот; они, допуская без пошлины к себе наш уголь, могут иметь тот расчет, чтобы дешевле заготовить запасы на экспедицию против нас. Английское железо также может пригодиться им теперь на одежду блиндированных кораблей, приготовляемых против нас. Сами по себе уступки, ими делаемые принципу свободной торговли, очень хороши, но прямою целью их теперь может служить просто запасные средства для войны с Англиею». Эти толки пробудили в д'Израэли мысль выбрать дело о торговом трактате первым поводом к низвержению министерства. Вопрос был поставлен предводителем торийской оппозиции так, что, быть может, нужны некоторые объяснения для русского читателя.

Парламентская тактика находит иногда выгоду придавать решительный смысл вопросам, которые сами по себе не имеют никакого значения. Так поступил при своем нападении на министерство д'Израэли. После бюджета или прежде бюджета рассматривать торговый трактат, это в сущности было все равно. Если бы палата не хотела принять трактата, она могла бы отвергнуть ту часть бюджета, которая основана на нем. Если бы она хотела принять трактат, не принимая бюджета, она отвергла бы бюджет, одоблив ту его часть, которая относится к трактату. Если бы палата хотела низвергнуть министерство, для нее было бы также все равно тем или другим делом заняться прежде: и бюджет и трактат составляют такую важную часть программы министерства, что неодобрение палаты по одному или другому делу одинаково низвергало бы вигов. Словом сказать, с какой стороны ни смотреть на предложение министерства о том, чтобы рассматривать трактат после бюджета, — спорить тут ровно не о чем. Но именно вопросы, которые можно решать так или иначе без всякой разницы для существенного хода дела, представляют партиям полную свободу померяться силами. По вопросам существенной важности всегда найдутся в многочисленном собрании несколько членов, которые одобряют в этом частном деле кабинет, которым вообще недовольны, или не одобряют кабинет, которым вообще довольны. По вопросам, не имеющим существенной важности, такого раздробления голосов не бывает. Министерство просило, чтобы бюджет рассматривался прежде трактата; д'Израэли вздумал потребовать, чтобы трактат рассматривался прежде бюджета; он потребовал этого только потому, что министерству вздумалось сказать иначе: оно точно так же легко могло бы потребовать того самого, чего

требовал теперь д'Израэли, и тогда он потребовал бы противного, того, что предлагал теперь отвергнуть. При таком поставлении вопроса голоса должны подаваться исключительно по желанию сохранить министерство вигов или передать власть торийской оппозиции,— вопрос просто служит к тому, чтобы сосчитать, на чьей стороне большинство. Результат оказался гораздо благоприятнее для министерства, чем ожидало само оно: вместо 30 голосов большинства, как рассчитывали виги, они получили большинство 63 голоса (293 против 230). Надобно полагать, что этим решением парламентская судьба министерства упрочена по крайней мере до прений о реформе: тори едва ли возобновят борьбу в совещаниях о бюджете, начавшихся для них очень сильною неудачею.

Оставляем до следующего месяца обзор известий о внутренних делах Австрии, чтобы дожидаться точнейших объяснений о характере конституционных реформ, которые обещало, по телеграфическим депешам, австрийское правительство. Судя по всему, что мы читали до сих пор о системе нынешнего кабинета, надобно полагать, что либерализм ограничится одним заглавием обещанных патентов, а содержание их будет реакционно, так что под именем дарования конституционных прав будет предложено народам Австрийской империи восстановление каких-нибудь феодальных учреждений, соединенное с уменьшением даже тех прав, которыми пользовались австрийские подданные ныне. Так было с обещанием свободы протестантам. Имея эту уверенность, мы, однакоже, хотим подождать своим приговором до получения более точных сведений о содержании нового обещания.

Р. S. 20 февраля. Теперь получены телеграфические депеши, самым поразительным образом подтверждающие взгляд, изложенный нами в этой статье несколько дней тому назад. Франция уже положительно объявила, что не одобряет присоединения Тосканы к Ломбардо-Сардинскому королевству и повторяет ту программу своей политики, которая постоянно была нами указываема с половины прошедшего года. Франция никогда не изменяла этой программе — теперь это очевидно для каждого из ноты, отправленной Тувнелем¹⁴ 12 (24) февраля к французскому посланнику в Турине, и из речи императора Наполеона при открытии заседаний законодательного корпуса.